

(Продолжение. Начало [«В» от 15.02.2023](#) , [от 15.03.2023](#) , [от 29.03.2023](#) , [от 19.04.2023](#)

,
[от 26.04.2023](#)

,
[от 03.05.2023](#)

,
[от 07.06.2023](#)

,
[от 21.06.2023](#)

,
[от 05.07.2023](#)

,
[от 19.07.2023](#)

,
[от 26.07.2023](#)

,
[от 16.08.2023](#)

,
[от 23.08.2023](#)

,
[от 30.08.2023](#)

,
[от 05.09.2023](#)

,
[от 13.09.2023](#)

,
[от 25.10.2023](#)

)

Газета «Вести» продолжает новую рубрику «Великие писатели Отечества». Нашим читателям мы предлагаем ознакомиться с краткой биографией людей, которые существенно повлияли на мировоззрение россиян, воспитание в них чувства прекрасного, сделали русский язык великим и могучим. При этом не будем забывать, что некоторые из них стали предвестниками трех революций в Российской империи, приблизив смутные времена с кровавой круговертью. Великие писатели Отечества составляют часть нашей истории и заслуживают того, чтобы их творчество знали и помнили.

Материалы печатаются по книге «Сто великих писателей», авторы Любовь Калюжная и

Геннадий Иванов, издательство «Вече», 2002 год, а также иным источникам.

Антон Павлович Чехов (1860–1904)

«Теперь среди портретов «любимых писателей» вы во всякой образованной семье, в комнатке всякого студента или курсистки встретите портрет или карточку «Антон Чехова»... И среди бородатых, могучих в лепке матушки-натуры или глубоко оригинальных фигур Тургенева, Толстого, Плещеева, Мея, Некрасова, Добролюбова, Чернышевского – фигура или, точнее, фигурка Чехова представляется такою незначительною, обыкновенною... Слишком «наш брат»... В Чехове Россия полюбила себя. Никто так не выразил её собирательный тип, как он, не только в сочинениях своих, но, наконец, даже и в лице своем... Всё вышло, как у всех русских: учился одному, а стал делать другое; конечно, не дожил полных лет. Кто у нас доживает? Гнезда не имел, был странствующий. И всё немного музыканил или мурлыкал себе под нос. Ни звука резкого, ни мысли большой. Но что-то такое во всём этом есть, чего нигде еще нет», – так писал Василий Розанов в 1910 году («Наш «Антоша Чехонте»).

Антон Павлович Чехов среди великих русских писателей был первым неаристократом. Он, по словам того же Розанова, «довел до виртуозности, до гения обыкновенное изображение обыкновенной жизни», став кумиром в преддверии нового, неаристократичного, века. Он дал слово представителям всех слоев и сословий – его проза, пожалуй, самая «населенная» в мировой литературе: в ней живут почти восемь тысяч персонажей (для сравнения, в «Человеческой комедии» Бальзака – около трех тысяч). Можно сказать, Чехов совершил «первую русскую революцию» – в литературе. Лев Толстой, настороженно относившийся к новому поколению: «Нынче царство матерьялизма, т. е. женщин и врачей», из молодых ставил вровень с собой одного лишь Чехова, несмотря на то, что тот был и врачом, и материалистом.

Оба деда Антона Павловича Чехова – по отцу и по матери – были крепостными крестьянами, выкупившимися на волю еще до реформы 1861 года. Отец писателя уже был купцом второй гильдии и владел бакалейной лавкой в Таганроге. Обанкротившись, в 1876 году он бежал от долговой тюрьмы в Москву, где учились два его старших сына (вообще в семье было шестеро детей: Александр, Николай, Антон, Иван, Мария, Михаил). Антон остался в Таганроге, чтобы окончить гимназию, а потом присоединился к семье в Москве.

Несмотря на религиозный фанатизм отца и аскетическое воспитание, Антон со

школьных лет увлекался театром и литературой. Его брат Михаил вспоминал: «А. П., будучи ... гимназистом пятого класса, спал под кущей посаженного им дикого винограда и называл себя «Иовом под смоковницей». Под ней же он писал тогда стихи...»

В Москву Антон Чехов приехал с рукописью драмы (не увидевшей света), но поступил на медицинский факультет Московского университета. Тогда же, по примеру старшего брата Александра, начал печатать в мелких юмористических журналах Москвы и Петербурга – «Стрекоза», «Будильник», «Зритель» и др. – юморески, пародии, юмористические миниатюры под псевдонимами «Антоша Чехонте», «Человек без селезенки» и др. Существует предание о чуде (почти как у каждого писателя) его первого дебюта в печати: во время острого безденежья, чтобы отметить именины матери, Антон Павлович в один присест написал рассказ «Письмо к ученому соседу», отослал в петербургский ежемесячник «Стрекоза» и на полученный гонорар устроил семейный праздник. Вряд ли это чудо случилось бы, не будь юношеских стихов «под смоковницей». За счет литературных заработков Чехова семья главным образом и держалась на первых порах в Москве.

Скоро Чехов вырабатывает свой стиль короткого рассказа, уже выходящий за рамки чистой юмористики. В 1885 году Антон Павлович побывал в Петербурге, где произошли очень важные для его творческой жизни встречи: он познакомился с Д. В. Григоровичем (первый, кто оценил «Бедных людей» Достоевского) и А. С. Сувориным. Через несколько месяцев от Григоровича, прочитавшего рассказ Чехова «Егерь», пришло письмо: «У Вас настоящий талант – талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения». О том, какое оно произвело впечатление на молодого писателя, говорит восторженный тон его ответа (вообще-то не свойственный Чехову): «Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния... Как Вы приласкали мою молодость, так пусть Бог успокоит Вашу старость... У меня в Москве сотни знакомых, между ними десятка два пишущих, и я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видел во мне художника».

Наряду с литературной работой Чехов ведет медицинскую практику. Служит врачом в Воскресенске (ныне Истра), в Звенигороде. Врачебная деятельность обогатила жизненный опыт писателя, обострила его наблюдательность. К началу 1890-х годов он опубликовал уже немало замечательных рассказов, привлечших всеобщее внимание. Его талант заметили и другие писатели старшего поколения (А. Н. Плещеев, Н. С. Лесков, позднее Л. Н. Толстой).

Зрелые его произведения – «Степь», «Огни», «Припадок», «Дуэль», «Три года», «Дом с

мезонином», «Скучная история», «Скрипка Ротшильда» – отмечены глубокой психологичностью и мягким чеховским лиризмом. В таких произведениях, как «Человек в футляре» и «Палата № 6», критика тех лет увидела символику политической реакции и застоя 1880-х годов. Думается, меньше всего писатель ставил себе такую задачу.

Вообще Чехов как художник лишен пафоса. В творчестве он «убивающе» правдив, как врач, сообщающий пациенту о летальном исходе. Не менее правдив он и в отношении себя как писателя – вот фрагмент из его письма к Алексею Суворину (в ответ на упреки в отсутствии у него «большой идеи»): «Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или даже просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете... что у них есть цель. У одних, смотря по калибру, цели ближайшие – крепостное право, освобождение родины, политика, красота или просто водка, как у Д. Давыдова; у других – цели отдаленные – Бог, загробная жизнь, счастье человечества и т. п. ...вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такую, как она есть, а дальше ни тпру, ни ну... У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, Бога нет... Я не брошусь, как Гаршин, в пролет лестницы, но и не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее. Не я виноват в своей болезни, и не мне лечить себя...»

Как человек, которому не свойственны «возвышающие обманы», он избегал и категоричных обобщений. Так, к примеру, по поводу рассуждений Дмитрия Мережковского о безвременье и «нервном веке» он писал тому же Суворину в 1891 году: «Никакого нет нервного века. Как жили люди, так и теперь живут, и ничем теперешние нервы не хуже нервов Авраама, Исаака и Иакова». По его мнению, увеличилось не число нервных болезней, а число врачей, наблюдающих эти заболевания. Можно привести и другие примеры сниженного пафоса. Один знакомый пожаловался ему: «Что мне делать! Меня рефлексия заела!» Чехов ответил: «А вы поменьше водки пейте». Иронизируя над вычурными манифестами декадентов, он говорил: «Какие они декаденты! Они здоровеннейшие мужики! Их бы в арестантские роты отдать!..»

Благодаря «трезвому взгляду врача» Чехов неожиданно и смело раскрывает традиционную для русской литературы крестьянскую тему в повестях «Мужики» и «В овраге».

Типичный чеховский персонаж – обыкновенный человек, или, как мы сегодня сказали

бы, среднестатистический представитель своего сословия. Объяснение привязанности к обыденному герою можно найти в одном из писем Чехова: «Никто не хочет любить в нас обыкновенных людей». Вот эту «типичность» тонко подметил Василий Розанов: «Хорош тот писатель, читая которого неловко, словно тебя оголили; я это чувствовал, читая Чехова». Дочь Толстого, Татьяна Львовна, признавалась: «В «Душечке» я так узнаю себя, что даже стыдно. Но всё-таки не так стыдно, как было стыдно узнать себя в «Ариадне».

Ко всякого рода избранничеству, мессианству Чехов относился с большой осторожностью, если не сказать – с неприязнью, что можно заметить в изображении бывшего террориста-народника из «Рассказа неизвестного человека» или зашедшегося в своих амбициях магистра Коврина из «Черного монаха».

В 1990-м году Чехов уже был знаменитейшим писателем России. К этому времени у него вышли сборники: «Сказки Мельпомены. Шесть рассказов А. Чехонте» (1884), «Пестрые рассказы» (1886), «В сумерках. Очерки и рассказы» (за этот сборник присуждена академическая Пушкинская премия), «Невинные речи» (оба – 1887), «Рассказы» (1888), «Хмурые люди» (1890), а также поставлена его пьеса «Иванов» – сначала в московском театре Ф. А. Корша (1887), затем в петербургском Александринском театре (1889).

Неожиданно Чехов отправляется в поездку на остров Сахалин. «Сенсационная новость, – сообщала газета «Новости дня» в январе 1890 года, – А. П. Чехов предпринимает путешествие по Сибири с целью изучения быта каторжников. Прием совершенно новый у нас...» Многие не понимали цели этого трудного путешествия (к тому же Антон Павлович уже знал, что у него туберкулез) и считали это прихотью избалованного славой писателя. Перед этим в «Русской мысли» Чехова обругали как «беспринципного писателя». Он послал издателю журнала В. М. Лаврову письмо (объявляя о полном разрыве их знакомства): «Беспринципным писателем, или, что одно и то же, прохвостом, я никогда не был». Возможно, и это подтолкнуло его к поездке. Чехов пробыл на острове три месяца. Книга «Остров Сахалин» была закончена в 1893-м.

Американский биограф Чехова Эрнст Симмонс высказал такую «голливудскую» догадку о сахалинском путешествии писателя: он уехал на другой край света из-за безнадежной любви к Лидии Авиловой, чтобы забыться. Вообще Чехову везет на поиски «лирической темы» в его биографии. В литературе о писателе единственной и роковой его любовью попеременно объявлялись то Лика Мизинова (много лет спустя в заграничной клинике о ней шептались: вот умирает чеховская «Чайка»), то Лидия Авилова, писательница, бравшая у Чехова первые литературные уроки и впоследствии опубликовавшая свои

воспоминания и переписку с писателем. В 1939 году семидесятипятилетняя Лидия Алексеевна, завершая работу над «мемуарным романом» (вышел под названием «Чехов в моей жизни»), написала на полях своей рукописи: «Тяжело жить. Надоело жить... И я уже не живу... Но всё больше и больше люблю одиночество... И мечту. А мечта – это А. П. И в ней мы оба молоды, и мы вместе. В этой тетради я пыталась распутать очень запутанный моток шелка... любили ли мы оба? Он? Я?.. Я не могу распутать этого клубка». И мы, пожалуй, не сможем.

Женился Чехов в 1901 году на ведущей актрисе Московского художественного театра Ольге Леонардовне Книппер, найдя наконец свой тип – «устремленную женщину» (когда-то он советовал «разбросанной» Лике Мизиновой заняться делом и, между прочим, писал: «...в сущности, я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили»). Однако женитьба трагически напоминала сюжет его рассказа «Цветы запоздалые». У Чехова открылись легочные кровотечения и жить ему оставалось совсем немного.

На последние шесть лет жизни писателя пришелся расцвет Чехова-драматурга. С 1896 по 1903 год созданы, новаторские по духу и стилю, пьесы: «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад». Драматургия Чехова стала необычайно популярной благодаря Московскому художественному театру (преьера «Чайки» в петербургском Александринском театре в 1896 году провалилась) и завоевала театральные подмостки всего мира.

Влияние прозы Чехова на русскую и всемирную литературу в XX веке огромно. Он утвердил в прозе лаконичный жанр рассказа – «Умею говорить коротко о длинных вещах» – и отвоевал для него право считаться большой литературой.

К этому надо было приучить публику, привыкшую соотносить большого писателя непременно с романом. Известны слова Чехова: «По-моему, написав рассказ, следует вычеркивать его начало и конец. Тут мы, беллетристы, больше всего врем... И короче, как можно короче надо говорить». Друзья считали, что у него надо отнимать рукописи, иначе он оставит в своем рассказе только, что они были молоды, влюбились, а потом женились и были несчастны. Чехов отвечал: «Послушайте, но ведь так же оно в существе и есть». И действительно, все любовные фабулы его лучших произведений – «Попрыгунья», «Дом с мезонином», «О любви», «Дама с собачкой» и др. – как-то удручающе безнадежны. «Женишься по любви или не по любви – результат один» Кто это сказал? Кажется, Чехов.

«Предсмертные письма Чехова – вот что внушило мне на днях действительный ночной ужас. Это больше действует, чем уход Толстого», – писал Александр Блок. Действительно, в обыденности и предначертанности этой смерти – Чехов как врач знал, что умирает, – есть что-то жуткое.

Летом 1904 года Ольга Леонардовна увезла Чехова в Баденвейлер – маленький курорт на юге Германии. Перед отъездом его навестил писатель Николай Телешов, «...то, что я увидал, – вспоминал он, – превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом – до того был худ, изнурен и неузнаваем Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться... «Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать»».

В Баденвейлере Чеховым пришлось несколько раз переменить место – надрывный кашель русского больного мешал окружающим. До нас дошли слова пользовавшего его в Германии доктора: «Он был перед смертью и до последней минуты стоически спокоен, как герой. Когда я подошел к нему, он спокойно встретил меня словами: «Скоро, доктор, умру». Я велел принести новый баллон с кислородом. Чехов остановил меня: «Не надо уже больше. Прежде чем его принесут, я буду мертв».

Чехов умер в три часа ночи с 1 на 2 (14–15) июля 1904 года. Вот как описала его последние минуты Ольга Леонардовна:

«В начале ночи он проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки: «Ich sterbe...» («Я умираю»). Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил всё до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда...

Ушел доктор, среди тишины и духоты ночи со страшным шумом выскочила пробка из недопитой бутылки шампанского...»

Антон Павлович Чехов погребен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря».

9 удивительных фактов об Антоне Чехове, которые вам не расскажут в школе

Негритянское прошлое потомка крепостных и любителя «тарарахнуть», странные прозвища для женщин и умение предсказать свою и чужую смерть. На самом деле автор «Вишневого сада», в отличие от других изученных нами за последние недели русских классиков, оказался человеком невероятно порядочным и лишенным серьезных пороков. Нам пришлось очень постараться, чтобы собрать для вас 9 необычных фактов его биографии, да и те, за одним исключением, вряд ли тянут на по-настоящему порочные. Читаем и проникаемся уважением к Чехову!

1. Его дед Егор Михайлович Чехов (фамилия, кстати, не имеет никакого отношения к национальности, а происходит от старинного имени Чех) был крепостным крестьянином воронежского помещика Черткова. Работал он не только на земле, но и на сахарном заводе, расположенном в его родном селе Ольховатка. Чертков приметил сообразительного паренька Егора еще в юном возрасте, приказал обучить грамоте и перевел на завод, едва он был достроен, в 1834 году, когда Егору Михайловичу было 35 лет. Чехов его надежды оправдал: не только довольно быстро дослужился до приказчика, но и придумал пускать отходы сахароварения на подкорм бычков. Причем не только хозяйских, но и своих, из-за чего получил возможность продавать их с большой выгодой. Вырученные деньги Егор Михайлович поначалу пускал в оборот: во время исполнения поручений своего помещика в других регионах закупался там солью и сушеной рыбой, а по возвращении продавал с наценкой. Дела шли настолько хорошо, что уже в 1841 году Чехов сумел скопить достаточно денег и выкупить у помещика всю свою семью – жену и 6 детей. После освобождения Чехов-старший отправился в Ростов, где приписался к мещанскому сословию. У отца Чехова, Павла Егоровича, уже была своя бакалейная лавка, где будущему писателю приходилось работать с ранних лет. Примечательной чертой всей семьи была честность: никто из них никогда не претендовал на большее, чем заслуживал.

Когда Антону Павловичу в 1899 году император Николай II присвоил титул потомственного дворянина, Чехов эту привилегию так и не принял. То же самое он проделал со званием почетного академика Российской академии наук.

1. Он был негром, но только литературным – писал за других людей. Получал за это оплату, но сам оставался неизвестным. Занимался этим целых 5 лет. А виной всему были деньги – вернее, их отсутствие. Чехову с юных лет пришлось научиться кормить себя

самому. Его отец разорился в 1876 году и распродал всё имущество, чтобы расплатиться с кредиторами, а потом сбежал в Москву вместе с женой и младшими детьми. С тех пор Антон, который тогда ещё учился в гимназии, вынужден был сам зарабатывать на жизнь. Сначала давал частные уроки дворянским детям, потом поступил на медфак в Москву и стал помогать врачам с пациентами. Первая публикация случилась на первом курсе – это был сатирический рассказ в журнале «Стрекоза». После этого он быстро подноровился тратить свой талант на простые юмористические тексты, которые часто выходили под псевдонимами. Самый знаменитый – Антоша Чехонте – знаком нам со школы, но были еще штук пятьдесят менее известных: Архип Индейкин, Шиллер Шекспирович Гёте, Акакий Тарантулов, Брат моего брата, Гайка № 6 и Гайка № 9, Человек без селезенки, Василий Спиридонов Сволачев и даже просто «Некто».

2. Сладкоежка и коллекционер марок и смешных фамилий Чехов любил сладости, особенно мармелад и домашнее варенье. В детстве мама запрещала детям есть много сладкого, поэтому между собой Антон и его братья и сестра называли шкаф, где прятались вкусности, «дорогим и многоуважаемым». Привычка обращаться к бездушному хранителю сладостей таким манером осталась с писателем на всю жизнь.

Еще одним необычным увлечением Чехова было коллекционирование забавных фамилий реальных людей. Он всегда записывал самые интересные из тех, что ему удалось узнать, а потом использовал в своих произведениях. Чимша-Гималайский в «Человеке в футляре», Свинчутка, Зевуля, Трахтенбауэр и другие взяты из жизни, а рассказ «Лошадиная фамилия» наилучшим образом отражает это его хобби.

А вот к азартным играм Антон Павлович, в отличие от многих его современников, был совершенно равнодушен. Как-то во время путешествия по Европе заехал в город казино Монте-Карло и даже оставил там 900 франков, но отреагировал на это с неизменным мягким юмором – заявил, что теперь ему будет, о чём поведать внукам: «В рулетку играл и знаком с тем чувством, какое возбуждается этой игрою».

1. Он с 13 лет посещал публичные дома. Процесс разорения отца длился несколько лет, и всё это время подросток Антон оставался, по сути, без особого надзора со стороны родителей. По его собственному выражению, «все тайны жизни познал в 13 лет». Продолжал пользоваться услугами женщин с пониженной социальной ответственностью и позднее, после переезда в Москву. С возрастом стал разборчивее: принялся целенаправленно соблазнять приличных дам и в одном из писем даже похвалился, что любую понравившуюся девушку может «тарарахнуть». Антон Павлович использовал женщин не только по части физики, но и пристально наблюдал за ними, чтобы потом включить подмеченные детали в свои тексты. Когда Чехов стал знаменитым драматургом, за ним начали охотиться поклонницы. Однако писатель к тому времени уже серьезно болел и не откликался на их призывы. Преследовавших его на

набережных Ялты оголтелых девиц он в шутку называл «антоновками».

2. Жене он тоже сочинял странные прозвища. Чехов не собирался жениться (известна его фраза: «Мне было бы скучно возиться с женой») и даже писал друзьям о каких-то своих кошмарах, связанных с узами брака. Но потом он познакомился с актрисой Ольгой Книппер, игравшей в его пьесе «Чайка», и постепенно изменил своё мнение. Переписка Чехова с супругой была очень обширной: с лета 1899 года до весны 1904 года они написали каждый примерно по 400 писем, и это только известные, подтвержденные сохранившимися документами, послания. А всё потому, что большую часть периода ухаживания и семейной жизни пара провела на расстоянии друг от друга: Антон Павлович ездил лечиться в Ялту и на заграничные курорты, а Ольга Леонардовна по-прежнему работала в Московском художественном театре. Была бы и рада мотаться везде вместе с мужем, с которым она обвенчалась в 1901 году, но он сам ей этого не позволял. Кроме обычных комплиментов и ласковых слов, Чехов в письмах награждал Ольгу эпитетами «актрисулька», «собака моя», «змея» и «балбесик мой». Впрочем, тон писем в целом был очень милым и добрым. Чего стоит только такое признание: «Не забывайте писателя, не забывайте, иначе я здесь утоплюсь или женюсь на сколопендре».

3. Он слишком много шутил. Шутки были незлобными, но, кажется, могут говорить о его стремлении зашутить любую ситуацию. Любимых такс он назвал Бром Исаич и Хина Марковна. Над нежно любимой матушкой подшучивал из-за её повышенной религиозности: «Мамаша, а что, монахи кальсоны носят?» В письмах издевался даже над собой и своей смертельной болезнью: «Видите, какой я калека. Но это я тщательно скрываю и стараюсь казаться бодрым молодым человеком 28 лет, что мне удастся очень часто, так как я покупаю дорогие галстуки и душусь Vera-Violetta». Близкий друг писателя, еще один классик русской литературы Иван Бунин вспоминал, что в этой веселости скрывалась невообразимая боль и трагичность. Как-то раз, когда авторы вместе гуляли по Ялте, Чехов спросил случайно замеченную в окне женщину, в курсе ли она, что на днях убили Бунина. И это при том, что «убитый» рядом давился от смеха! Только позже вечером Бунин узнал, что Чехов накануне прогулки кашлял кровью и думал о смерти.

4. У него не было домашней библиотеки. Испугались? Нет, покупал и читал книг он очень много, но дома не хранил, а раздавал знакомым и жертвовал городским библиотекам. Зато свои записные книжки Антон Павлович тщательно хранил. Их у него было много, они были разбиты по темам (дневник, адресная книжка, записная книжка с рецептами для больных, заметки о садовых делах, библиографические заметки и прочее) и всегда содержались в идеальном порядке.

5. Он стеснялся болеть. Чехов был скромным человеком и раскрывался только в переписке с близкими друзьями. С остальными он не любил говорить о себе, отказывался давать интервью газетам и обходился только перечислением сухих фактов из своей жизни, оправдывая это выдуманной болезнью – «автобиографофобией». Именно поэтому он долгое время скрывал от окружающих свою болезнь. Туберкулез (тогда он назывался чахоткой) мучил его около 20 лет, но Антон Павлович никогда не жаловался и просил помощи только в самых крайних случаях, когда бывал уже вконец измотан.

6. Он сумел предсказать одну чужую смерть и еще одну – свою. Знаменитый режиссер Станиславский, с которым Чехов был знаком по совместной театральной

работе, вспоминал, как однажды в его доме писатель заметил известного в обществе мужчину. Все вокруг всегда считали этого человека очень веселым и жизнерадостным, и только Чехова вдруг озаботило его поведение. Когда Станиславский спросил, чем же он так привлек его внимание, писатель прямым текстом сказал, что видит человека, который наверняка собирается свести счеты с жизнью. Станиславский тогда только посмеялся, а через несколько лет узнал, что тот знакомый отравился.

Летом 1904 года врачи поняли, что надежды на выздоровление Чехова уже нет. На курорт в Германию он отправился умирать, а потому позволил супруге поехать вместе с ним. В ночь с 1 на 2 июля писатель проснулся и впервые на памяти близких людей сам велел послать за доктором. Громко заявил пришедшему врачу и супруге, что умирает, потом потребовал себе бокал шампанского, спокойно выпил, тихо лег на левый бок и умер. Ему тогда было 44 года.

Источник: *livelib.ru*